

Э. Кастен

КОРЕННЫЕ ЗНАНИЯ КОРЯКОВ ОБ УСТОЙЧИВОМ РЫБОЛОВСТВЕ

В статье особый интерес направлен на традиционные знания коренных народов, на то, как они могут быть переданы – насколько это возможно – с помощью новых технологий, прежде всего молодому поколению, чтобы, используя современные знания, продолжить прежнюю экологичную связь с природой.

Ключевые слова: коренные знания, устойчивые связи с природой, ценности, передача знаний через Интернет.

E. Kasten

INDIGENOUS KNOWLEDGE OF THE KORYAK ABOUT SUSTAINABLE FISHERY

In this article, a particular interest is focused on traditional indigenous knowledge, and how it can be transmitted – as far as possible – with the use of new technology, primarily to the younger generation, so that in this combination former relations with nature can be continued.

Keywords: indigenous knowledge, sustainable nature relations, values, web-based knowledge transfer.

Введение

В этой статье особый интерес будет направлен не столько на традиционные знания коренных народов, сколько на то, как они могут быть переданы – насколько это возможно – с помощью новых технологий, прежде всего молодому поколению, чтобы, используя современные знания, продолжить прежнюю экологичную связь с природой [1]. Полностью в духе новой парадигмы сопроизводства, которая уже несколько лет становится основной в этнологических исследованиях Севера [8, р. 34–39]. Особое внимание уделяется тому, как коренные жители выражают своими словами связь человека и природы, а также природные изменения, и именно в форме представленных здесь текстовых отрывков из видеозаписей последних 25 лет, записанных у коряков на Камчатке [2]. А этнологические соображения отходят на второй план, потому что здесь в первую очередь речь идёт о знаниях местных жителей, которыми они делятся с иностранными исследователями в рамках метода включенного наблюдения. При этом нас особенно интересуют высказывания местных жителей о том, как они воспринимают природу и окружающую среду, особенно с учетом произошедших там изменений; как они отражаются на их жизненных ориентирах; как ими традиционно используются природные ресурсы, и где такое использование ощущается как ограниченное или находящееся под угрозой; как традиционное использование ресурсов встраивается в целостные концепции взаимности и в критерии сосуществования с природой, и как они выражаются в мировоззрении и ритуалах, каким образом закрепляются внутри

общины, особенно на сезонных праздниках, и как передаются молодым поколениям.

Стратегии лососевого промысла коряков в свете устойчивого природопользования

Прежде чем мы представим, что рассказали пожилые коряки недавно о своем лососевом промысле с точки зрения устойчивого использования рыбных ресурсов, рассмотрим сначала, что писали об этом исследователи Камчатки и путешественники в своих отчетах за истекшие три столетия. Во время своих путешествий и в результате наблюдений за ительменами, которые сегодня живут преимущественно на западном побережье Камчатки, Георг Вильгельм Стеллер [11, р. 141–176] еще в середине XVIII в. отметил их особые методы ловли лосося и подробно описал различные виды лосося и других рыб, а также их поведение.

Хотя ительменские рыбаки могли бы полностью перекрыть реку рыбными запрудами, они не делали этого, поскольку, очевидно, стремились пропустить определенное количество рыбы вверх по течению, где родственники и другие люди создали свои поселения. Из наблюдений Г. В. Стеллера можно сделать вывод, что разные семьи, живущие в небольших поселениях вдоль рек, образовывали локальную группу, которая поддерживала тесные связи и укрепляла их во время сезонных праздников. Для этого они приглашали и посещали друг друга осенью и в начале зимы, чтобы вместе совершать обряды примирения с природой, как это делается и сегодня в неизменном виде у коряков, живущих далеко к северу, например, во время праздника *Ololo* [6; 7, р. 165–187]. Очевидно, они стреми-

лись оставить достаточное количество рыбных ресурсов поселениям, расположенным выше по течению, для их благополучия, чтобы те, в свою очередь, могли позаботиться о дополнительных ресурсах на своих территориях. Тем самым также пытались предотвратить, чтобы эти семьи в случае нужды были бы вынуждены обратиться к родственникам, живущим вниз по течению. Такое симбиотическое отношение к людям и природе, в более широком контексте, – в отличие от сегодняшних, преимущественно индивидуалистических, стратегий – до сих пор имеет место в рассказах пожилых людей, которые были записаны исследователями.

По словам Семена Трифоновича Уркачана, охотника и рыболова нымыланского (корякского) и эвенского происхождения из с. Лесная (позже жившего в Палане), коренное население хорошо увязывало свою деятельность с заданным временным циклом природы, за которым они очень внимательно наблюдали. В своей повседневной и сезонной деятельности они следовали определенному ритму природы, что означало, что временами они работали день и ночь, потому что «рыба не ждет», но затем отдыхали в течение более длительного периода. Каждому было известно, что он или она должен делать сам, поэтому не нуждался в чужих приказах; позже они возмущались строгими временными правилами, навязанными им начальством в советское время.

Местные жители на собственном опыте научились понимать и следовать знакам природы, которые служили им надежным ориентиром для планирования своей деятельности. С. Т. Уркачан вспоминает: «Как только осенью деревья сбрасывали листву, а затем она начинала плыть по поверхности реки, люди знали, что нужно готовиться к установке специальных приспособлений, потому что скоро появится радужная форель (*Parasalmo mykiss*)» и начнет свою миграцию вниз по течению. Владимир Сергеевич Яганов из Лесной тоже сообщает нечто подобное: «Когда в июне мы отправляемся на побережье ловить тихоокеанскую мойву (*Mallotus villosus catervarius*), то сначала ставим сети на берегу. У гольца (*Salvelinus leucomaenis*), которого мы обычно ловим первым, мы вскрываем желудок и смотрим, найдем ли мы внутри мойву. Если да, то мы знаем, что косяки мойвы уже недалеко, и каждый начинает готовить свои рыболовные снасти».

Александра Трифоновна Уркачан, сестра Семена Уркачана, дочь нымыланки и эвенско-

го оленевода, рассказала нам: «Когда в середине июня мы слышим, как кукушка кукует определенным образом (*тут-тут-тут*), мы знаем, что скоро к нам придет первая рыба». Для Сергея Антоновича Попова из Лесной это знак того, что «у нас будет много рыбы и мойвы, когда кукушка кукует так (*тунулгатык*), что звучит как барабанный бой». Он продолжает: «Когда мы вскрывали рыбу, мы обращали самое пристальное внимание на состояние чешуи и внутренностей. Например, если внутренняя кожа образовывала своего рода карман, мы знали, что в тот год будет много рыбы». Коряки Дарья Васильевна Упит и Христофор Танвиллин, живущие в Тымлате на северо-восточном побережье Камчатки, вспоминают подобные предсказания о том, что весной, когда снег отливает красным цветом, можно ожидать много рыбы.

С. Т. Уркачан рассказывает о сезонном рыболовном цикле жителей Лесной: «после зимы в мае, форель (*Salveninus malma*), которая приближается к побережью, – первая рыба, которую мы ловим. Эта рыба потребляется сразу и не хранится, а из некоторых мы производим ферментированную рыбу, которая используется в качестве приманки в специальных ловушках, которые мы устанавливаем [позже]». В июне семьи переезжают на побережье, чтобы ловить тихоокеанскую мойву.

После того как начинается ход различных лососевых – чавычи (*Oncorhynchus tshawytscha*), кеты (*Oncorhynchus keta*), горбуши (*Oncorhynchus gorbusha*), который постепенно приносит обильную рыбу вверх по течению, семьи перемещаются в верховья рек на соответствующие семейные рыболовные участки, которые всегда использовали их предки. В следующие два месяца, июль и август, они заготавливают – в основном путем сушки – основной запас рыбы для себя и для собак на весь оставшийся год и до следующей весны. В сентябре и октябре рыбалка идет на убыль и заканчивается ловлей радужной форели, после чего начинается сезон охоты на морских млекопитающих, снежных баранов (до октября) и пушных зверей (с ноября по февраль).

С июня по сентябрь женщины и дети заняты сбором ростков, черемши, ягод и кореньев, которые также используются как важные ингредиенты в некоторых традиционных блюдах, часто в сочетании с рыбой. С. А. Попов рассказывает о важной роли, которую играла (и продолжает играть) рыба мойва, особенно в качестве корма для собак. От старших товари-

щей он узнал, «что оленеводы раньше добывали рыбу у Тайныгытына, "священного озера", дальше вверх по течению реки Лесной: куда лосось поднимался на нерест, а мы в это время года, в июне, были еще заняты пополнением запасов мойвы на побережье, поэтому не обращали особого внимания на лосося там».

Устойчивое использование рыбных запасов

В основном для ловли лосося в реках коренные народы восточного и западного побережий Северной Камчатки использовали определенную деревянную рыбную плотину (*тканн*). Т. В. Котовина вспоминает, как в детстве помогала родителям «собирать круглые камни, чтобы закрыть отверстия, через которые рыба не могла выбраться. Таким образом, мы хорошо перекрывали [часть] реки [возле ловушки для рыбы]». Конструкция и функционирование «морды» подробно описаны и представлены Алексеем Павловичем Апполоном [3, с. 79]: «С помощью специального запора река была закрыта, но так, чтобы рыба могла пройти к местам нереста» <...> *Тканн* был сооружен таким образом, чтобы не поймать все сразу, т. к. было понятно, что нужно думать и о следующем дне. По его словам, «такие плотины были распространены на западном побережье Северной Камчатки до середины 1960-х гг., но в последнее время более распространенной практикой стала ловля сетями и рыболовными ловушками». В. К. Белоусова из Кинкиля (небольшой поселок недалеко от Лесной) вспоминала: «Когда мы использовали вершу, мы могли видеть в деревянной корзине именно то количество рыбы, которое нам было нужно или которое мы могли приготовить. Затем мы поднимали деревянную корзину, опорожняли ее и несли рыбу домой, оставляя плотину открытой для прохода другой рыбы». По ее словам, каждая семья имела точное представление о количестве рыбы, необходимой на год для собственного пропитания и для собачьей упряжки.

С. Т. Уркачан подтверждает то же самое: «Люди брали только столько рыбы, сколько им было нужно, и они очень хорошо знали свой годовой рацион. С раннего детства нас учили никогда не ловить слишком много рыбы сразу, а оставлять достаточно рыбы, чтобы она могла плыть вверх по течению к местам своего размножения и давать новую жизнь после того, как старые рыбы умерли бы. Таким образом, мы могли быть уверены, что рыбы хватит и на

следующий год». А Х. П. Танвилиин указывает, что «мы ловим только столько рыбы, сколько нам нужно, потом останавливаемся, этого достаточно, и оставляем [другую рыбу] на следующий год. Так мы жили раньше, пока многое не изменилось коренным образом».

Из своего детства в 1950-х гг. А. Т. Уркачан помнит подобные ситуации, когда старшие наставляли их никогда не ловить слишком много рыбы. «Когда я была маленькой, я иногда приходила со своим отцом, который был оленеводом, на место рыбалки возле священного места "Каменный человек" (*Вывкаляк*) недалеко от Паланы. Здесь мы некоторое время рыбачили вместе с нашими родственниками, которые жили там, и наконец, приносили рыбу обратно на оленеводческое стойбище в наших переметных сумках (*лепче*). На месте рыбалки я заметила и сначала удивилась, почему они выбрасывают некоторых рыб обратно в реку, и они сказали мне, что эти (самки) рыбы родят еще много раз, поэтому у тебя и твоих детей потом всегда будет достаток». Такие и подобные заявления других людей, в отличие от некоторых сегодняшних взглядов, впечатляюще демонстрируют, насколько серьезно коренное население до сих пор относится к долгосрочному устойчивому использованию природы, и как оно проявляет особую ответственность перед будущими поколениями.

Они следили за тем, чтобы достаточное количество рыбы было пропущено вверх по течению, «чтобы в будущем было много рыбы», как объяснила В. К. Белоусова и добавила, что для этого они выбирали самок и бросали их обратно в реку. Она сетует, что сегодня именно эти рыбы изымаются в больших количествах из-за ценной икры. С. А. Попов тоже отмечает, что сегодня слишком много самок рыбы забирается для выполнения заказов торговцев или бизнесменов (коммерсанты), которые отвечают за прибыльную, но, с экологической точки зрения, губительную торговлю икрой. «Однажды я сам нанялся к ним на работу. Но когда я понял, что они собираются выбросить останки рыбы, из которой они взяли икру, в тундру, чтобы они гнили без пользы, я ушел. Вы никогда не должны ловить больше рыбы, чем сможете приготовить впоследствии. Вы должны помнить, что эти рыбы, в конце концов, были подарены нам».

В. К. Белоусова рассказала нам, что, когда она была молодой, местные жители не ели много лососевой икры. Они сушили ее и использовали, помимо прочего, в измельченном виде

в качестве ингредиента для традиционного блюда *толкуша*, которое готовили во время ежегодного праздника *Ололо* в начале зимы. Только в более позднее время в колхозах, когда соль стала доступна в больших количествах и использовалась для консервации, люди начали хранить рыбью икру в бочках и перевозить ее в города. Позднее в совхозах лососевая икра становилась все более востребованным товаром и собиралась в еще больших количествах отдельными рыбаками и рыболовецкими бригадами. В конце концов, торговля икрой вышла из-под контроля, особенно в период перестройки и после нее, что имело известные последствия для популяций лосося в некоторых камчатских реках.

Из воспоминаний В. С. Яганова мы узнаем, как жители Лесной постепенно втягивались в новую, все более «глобализированную» экономическую систему, которая теперь – помимо прежней пушной торговли – стала еще больше ориентироваться на лосося и другие пищевые ресурсы. Во всяком случае, эта система вначале понравилась местным жителям из-за некоторых преимуществ, которые они сразу же заметили: «После того, как большинство семей в июне перебрались на побережье, чтобы выловить там запасы мойвы и заготовить ее на зиму в качестве корма для собак, они расходились по своим индивидуальным семейным рыболовным участкам вдоль реки Лесной, где рыбачили в течение всего лета. Когда мы собирали на зиму свои запасы сушеной рыбы и дикорастущие растения и ягоды, то все ненужное для себя отдавали в совхозы. Взамен мы получали припасы и строительные материалы, чтобы мы могли построить теплые зимники в наших зимних охотничьих угодьях, где мы раньше жили в палатках».

Но, даже, несмотря на то, что переход к новой экономической системе уже назревал, традиционные взгляды и система ценностей коренного населения, очевидно, все еще сохранялись, чтобы контролировать чрезмерную эксплуатацию и неправильное использование ресурсов лосося. После перестройки новые ориентации на мнимые достижения свободной рыночной экономики и западный образ жизни стали все более привлекательными для коренной молодежи, и в семьях стали возникать конфликты по поводу употребления лососевой икры. Если пожилые люди, такие как Надежда Григорьевна Баркавтова, настаивали на сушке икры лосося в небольших количествах традиционным спо-

собом, то молодежь осуждала это как «расточительство», поскольку икра лосося теперь стала их «деньгами», как они это называли.

Аналогичным образом, более индивидуалистическая ориентация новой рыночной экономики все чаще вступает в конфликт с традиционными ценностями обмена, которые все еще можно наблюдать среди рыбаков и охотников в более отдаленных деревнях, таких как Лесная. С. Т. Уркачан вспоминает: «Определенное количество рыбы из хорошего улова сразу же отвозили на лодке или на лошади тем, кто состарился или слишком слаб, чтобы ловить рыбу самостоятельно. Помогать другу – это глубоко укоренилось в нашем образе жизни». В. К. Белоусова рассказала нам то же самое: «Отец наставлял меня, что после удачной охоты, или когда мы поймали много рыбы, нужно поделиться ею с другими, особенно с теми, кто нуждается, например, с сиротами или многодетными семьями, с инвалидами. Это было строгое правило, хотя сначала я сама его не очень понимала». Таким образом, эпизодические излишки служили для компенсации неравенства внутри местного сообщества, в то время как производство (неограниченных) излишков – и связанное с этим давление на соответствующие природные ресурсы – еще не стало самоцелью.

Мировоззрение и ритуалы

Народы Камчатки выражали свое особое отношение к лосося через «ритуал первого лосося». Когда ожидаемая миграция рыбы не начиналась вовремя, люди шли на берег реки и совершали там определенный ритуал. По словам Екатерины Григорьевны Ягановой, они вызывали рыб определенным заклинанием: «Чну, чну, чну, ты, рыба, иди и плыви сюда». И, как добавила А. Т. Уркачан: «Из камчатской таволги (*Filipendula camtschatica*) завязывали фигурку, похожую на рыбью голову. Сначала они водили ею по воде и пели: «О, сколько идет, идите скорее», а затем они отправляли её [фигурку] плыть по течению. И обычно через 2–3 дня появлялась первая рыба». Люди верили, что рыб привлекает сильный запах соответствующего растения, и таким образом он (запах) направлял их вверх по реке, поскольку люди боялись, что рыбы могут потерять ориентацию без этого.

Про другой способ вызова рыбы нам рассказала Е. Л. Нестерова, вспоминая раннее детство: «Однажды, когда мы ловили рыбу на Госпромхозе, рыбы было мало, и сестра сказа-

ла мне: “А теперь слушай, как я буду вызывать рыбу!” Она сказала: “Возьми цветок арктической малины (*Rubus arcticus* L.)”, и мы пошли к морю. С помощью цветка мы призывали рыб собраться в устье реки. Мы остались там на несколько дней, и потом пришла кета».

Наталья Ионовна Григорьева из Эссо, эвенка и корячка по происхождению, сообщила нам: «Когда идет рыба, идут к реке и разводят костер у берега. Затем бросают в огонь небольшие подношения и говорят: “Мы пришли сюда, чтобы поклониться тебе”. Раньше мы делали здесь подношения душам наших ушедших предков, поэтому мы и совершили эту процессию к реке. Возле реки мы ставим три колышка, а затем бросаем в воду мелкие остатки пищи. Во время этого обряда мы говорим: “Река, дай нам рыбу. Мы дали тебе пищу, а ты дай нам рыбу”. Таким образом, мы просим душу реки, чтобы было много рыбы, когда начнется её миграция».

Соответственно, к рекам нужно было относиться с уважением, они считались почти священными местами, где запрещалось мочиться или испражняться, так как запах мог раздражать рыбу, как рассказала нам В. К. Белоусова, а А. Т. Уркачан добавила: «Во время миграции рыб запрещалось использовать кору (красной) ольхи для дубления, так как это закрывало глаза рыбам, которые в таком случае уже не могли ориентироваться». Эти рассказы показывают, что коренное население осознавало чувствительность лосося в его судьбоносных поисках нерестилищ и понимало необходимость избегать любого нарушения экосистемы, в которой рыба двигалась и размножалась.

Помимо упомянутых ритуалов «первой рыбы», ритуальный диалог с силами природы осуществляется в повседневной жизнедеятельности спонтанно. В каждом районе есть несколько особых священных мест. Согласно Х. П. Танвину, когда кто-то проходит мимо этих мест, должен положить туда несколько небольших предметов, а также осоку («священную» болотную траву вида осоки, (*Carex*)), бисер или патроны в качестве подношения.

Кроме того, когда во время перерыва на чай в тундре разжигают костер, в него бросают небольшие кусочки пищи. Огонь считается воротами или важной связующей линией с потусторонними мирами, где обитают души предков и животных, и, бросая что-либо в огонь, к ним проявляют уважение, и это обрадует их. Также было строго запрещено бросать в огонь рыбы кости (и кости нерпы), поскольку ритуальное

использование этих останков животных подчинялось другой логике, а именно их оживлению. Т. В. Котовина рассказала нам, что «рыбьи кости нужно было выбрасывать на берег реки, чтобы эти рыбьи останки попали в море и вернулись к нам [в виде рыбы]. Некоторые люди не понимают, что нельзя бросать кости в огонь, что их место в воде».

На побережье у Лесной, когда появилась первая тихоокеанская мойва, было сделано небольшое подношение морю, при этом А. Т. Уркачан тихо сказала: «Это тебе, море, ты кормишь людей, и мы благодарны тебе, что пришла мойва и что ты помогаешь нам, что (морским) охотникам и рыбакам везет». Морю приписываются даже целебные свойства, как она позже объяснила нам: «Иногда мы плели маленькую лодку, клали на нее цветок арктической малины (*Rubus arcticus* L.) с какой-нибудь едой и толкали ее в море, потому что это должно было защитить нас от болезней».

В трудные времена люди обращались за помощью к силам природы и стремились поддерживать необходимый «обмен» с животными и представителями сил природы посредством ритуального диалога. Они знали, что у них не будет удачной охоты и рыбной ловли, если они не будут вести себя подобающим образом по отношению к природе в своих повседневных действиях.

Так, даже сегодня пожилые люди считают большим святотатством оставлять останки или части добытой дичи или рыбы неиспользованными, как уже упоминалось в некоторых примерах выше. Соответственно, почти все, усвоившие традиционные знания и ценности, кого мы спрашивали об этом, возмущены и негодуют по поводу того, как сегодня обращаются с ресурсами лосося, забирая только икру для заготовки и оставляя гнить рыбу на берегу. Они не столько думают о том, что это незаконно или противоречит экологическим законам, сколько в один голос говорят, что «природа отомстит», – она, очевидно, по-прежнему является для них высшим и самым могущественным авторитетом.

Резюме

Несмотря на то, что сегодня многие с рационально-научной точки зрения считают такие верования и ритуалы устаревшими, они отражают определенные представления и отношение к природе, которые долгое время обеспечивали коренным народам необходимую ориентацию для устойчивого использования природных ре-

сурсов. Более того, как показано выше, особые ценности, такие как совместное использование и внутренне ощущаемая ответственность за будущие поколения, гарантировали надлежащее использование природных ресурсов, что резко противоположно тому, что мы видим сегодня.

Многие коренные жители, такие как С. Т. Уркачан, жалуются на растущий натиск на запасы лосося извне: «Они приходят со своими большими высокотехнологичными рыболовными судами и могут вылавливать огромное количество рыбы из моря, поэтому в реки и на нерестилища попадает недостаточно рыбы. Никто на самом деле не контролирует количество, пришлые могут ловить там рыбу, а местные жители получают квоты на вылов, которые слишком малы, чтобы они могли прокормить себя обычным способом».

С другой стороны, местные жители сами иногда становятся соучастниками браконьерства и неустойчивых форм эксплуатации лососевых ресурсов, хотя они нередко в качестве последнего «звена в цепи» икорного бизнеса, который в основном контролируется хорошо организованными синдикатами за пределами Камчатки, и, как часто сообщается, нередко так или иначе прикрываются официальными властями. Сергей Синяков [10, с. 52] выражает это недовольство в более сдержанной форме: «Браконьерство не может быть оправдано ни в коем случае, особенно крупномасштабная, организованная форма такой деятельности. Но, следует отметить, что браконьерство по своей природе является социальной реакцией на неравное распределение доходов от природных ресурсов».

В то же время перед экологическими организациями и государственными инспекторами рыбоохраны стоит почти безнадежная задача, как отметил С. А. Попов: «Помню, как-то ездили в верховья реки Лесной, там поймали нескольких [браконьеров] и оштрафовали. Но не успели уехать инспекторы рыбоохраны, как браконьеры вернулись и продолжили свою незаконную работу, потому что торговцы, на которых они работали, требовали от них икру».

Действительно, в обширной и малонаселенной дикой природе Камчатки практически невозможно поставить надзирателя за рыболовством на «каждом повороте» многочисленных рек, чтобы взять под контроль браконьерство лосося. В связи с этим, хотя правовые меры против браконьерства лосося, безусловно, необходимы, было доказано, что они лишь частично эффективны в данных условиях. Поэтому одни

лишь законы вряд ли способны остановить эту катастрофическую тенденцию. Однако из высказываний, особенно представителей старшего поколения коренного населения, можно сделать вывод, что помимо правовых норм, устойчивое использование рыбных ресурсов возможно, если осуществлять более эффективное возвращение к традиционному мировоззрению в отношении природы и убедительно доносить эти ценности до молодежи.

Сохранение и передача экологических знаний коренных народов

Вопрос и особая проблема заключаются в том, как передать традиционные экологические знания коренных народов вместе с соответствующими ценностями и установками в отношении устойчивого природопользования молодым поколениям. Особую роль играет обширная повествовательная традиция, в которой коряки передают экологическое и социальное поведение через фигуру ворона (*Куткынныку*).

Обучение раньше было неформальным, самоопределяющимся и ситуативным, поскольку оно всегда было делом устно передаваемых традиций, требующих одновременной проверки и подражания на практике. Поэтому формальное школьное образование, которое поначалу кажется для коренной молодежи чуждым, очевидно, не всегда обеспечивает достаточное руководство и мотивацию. Наш опыт за последние 25 лет показал, что печатные издания [12], используемые в классе, могут лишь частично выполнять свою задачу, даже несмотря на то, что их постепенно дополняют CD [5] и DVD [13] с развивающимися электронными технологиями.

Новый подход, к которому мы сейчас стремимся, должен соответствовать испытанному и проверенному характеру устных традиций в виде видеозаписей, в которых знания старших поколений передаются достоверно и ярко, как и в прежних семейных разговорах. Для тех молодых людей, которые лишь частично владеют языком коренного населения, предлагаются переводы в виде субтитров. Эти видеофильмы распространяются через веб-портал Фонда культуры народов Сибири «*Экологические знания Севера*» [14] и, прежде всего, общедоступны [4] среди общин коренных народов. Молодые люди, в частности, могут легко получить к нему доступ в любое время и в любом месте с помощью смартфонов, даже если они находятся, например, в тундре и тайге, чтобы посоветоваться

или проверить свои знания у местных старейшин в конкретных ситуациях. Используя интерактивные модули, они могут вести собственные записи и дополнить соответствующую страницу роликами из фильмов для смартфонов, которые они загрузили сами.

Таким образом, учебная ситуация в значительной степени моделируется с помощью современных технических средств, что соответствует проверенной оригинальной передаче знаний с одновременным стимулированием собственного участия. Веб-портал ek-north.org

содержит не только фильмы о знаниях коренных народов, но и научные материалы на соответствующие темы, которые местные жители могут использовать. В целом, это может стать способом дать молодежи коренных народов, в частности, нашей основной целевой группе, возможность сохранить традиционные знания в сочетании с последними научными достижениями и с помощью современных информационных технологий, а также развивать их в совокупности со сложной системой знаний нового типа [9].

1. Эта статья была составлена в рамках проекта «Устойчивое природопользование в Сибири в условиях изменения климата», который финансировался программой «Восточное партнерство и Россия» Федерального министерства иностранных дел Федеративной Республики Германии. См: <https://dh-north.org/publikationen/chelovek-i-priroda-v-sibiri/ru> (дата обращения: 3.03.2022). Помимо других партнеров с севера России, в этом проекте приняли участие с Камчатки Ольга Черныгина и Вадим Кириченко (Камчатский филиал Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук в г. Петропавловске-Камчатском).
2. Для первого знакомства с экологическими знаниями коряков здесь использована подборка бесед, с которыми можно ознакомиться в полном объеме в виде видеозаписей с переводом в качестве субтитров на сайте <https://ek-north.org>. Там же можно найти подробную документацию по экологическим знаниям эвенгов Камчатки.
3. *Апполон А.* Национальные особенности изготовления орудий лова, предметов быта коренного населения Корьякии // *Фольклор и художественное творчество народов Севера Камчатки: традиции, современность и будущее / редкол.: Э. Кастен (отв. ред.), А. Т. Уркачан, Т. Заочная.* Фюрстенберг/Хавель, 2010. С. 79–86. URL: https://dh-north.org/siberian_studies/publications/foappolon.pdf (дата обращения: 03.03.2022).
4. *Дудек Ш.* Этноблогинг – синергия и проблемы для традиционных экологических знаний коренных народов на платформах социальных сетей // *Человек и природа в Сибири – Экологические знания и устойчивые природные отношения во времена изменения климата / сост., ред. Э. Кастен.* Фюрстенберг/Хавель, 2021. С. 281–305. URL: <https://bolt-dev.dh-north.org/files/dhn-pdf/mndudeck-ru.pdf> (дата обращения: 03.03.2022).
5. *Дюрр М., Кастен Э., Халоймова К.* Ительменский язык и культура. Нью-Йорк ; Берлин : Б. и., 2001. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) : зв., цв.
6. *Духовная культура коряков-нымыланов с. Лесная. Мироззрения и ритуальные праздники / сост. Э. Кастен.* Фюрстенберг/Хавель, 2017. 81 с. URL: <https://dh-north.org/publikationen/worldviews-and-ritual-practice-coastal-koryaks-nymylans-lesnaya-kamchatka/ru> (дата обращения: 03.03.2022).
7. *Kasten E.* Schamanisches Vermächtnis in heutiger ritueller Praxis in Nordostsibirien // *Schamanen Sibiriens und ihr Vermächtnis / E. Kasten.* Fürstenberg/Havel, 2021. P. 165–187. URL: <https://bolt-dev.dh-north.org/files/dhn-pdf/schamkastenfes.pdf> (дата обращения: 3.03.2022).
8. *Krupnik I.* Running up the Arctic Information Highway // *Library and Information Studies for Arctic Social Sciences and Humanities / S. Acadia, M. T. Fjellestad.* London ; New York, 2021.
9. *Lavrillier A., Gabyshev S.* An Arctic Indigenous Knowledge System of Landscape, Climate, and Human Interactions: Evenki Reindeer Herders and Hunters. Fürstenberg/Havel, 2017. 467 p. URL: <https://dh-north.org/publikationen/an-arctic-indigenous-knowledge-system-of-landscape-climate-and-human-interactions-evenki-reindeer-herders-and-hunters/ru> (дата обращения: 03.03.2022).
10. *Синяков С.* Рыбная промышленность и промысел лососей в сравнении с другими отраслями экономики в регионах Дальнего Востока. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2006. 64 с.
11. *Steller G. W.* Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. 1774. 279 p. URL: <https://dh-north.org/publikationen/beschreibung-von-dem-lande-kamtschatka/ru> (дата обращения: 03.03.2022).
12. *Халоймова К., Дюрр М., Кастен Э., Лонгинов С.* Историко-этнографическое учебное пособие по ительменскому языку. Петропавловск-Камчатский, 2012. URL: <https://dh-north.org/publikationen/istoriko-etnograficeskoe-ucebnoe-posobie-po-itel-menskogo-jazyku/ru> (дата обращения: 03.03.2022).
13. Серия «Языки и культуры Дальнего Востока России» в печатном виде с сопутствующими DVD-дисками. URL: <https://dh-north.org/verlag/languages-and-cultures-of-the-russian-far-east/ru> (дата обращения: 03.03.2022).
14. URL: <https://ek-north.org/de> (дата обращения: 03.03.2022).